

Раздел 2. Проблемы рецепции и интерпретации
в мировой литературе и культуре

УДК 821.111(73)-14:75.036

doi 10.17072/2304-909X-2022-14-113-119

**ЭКФРАСИС В СТИХОТВОРЕНИИ СИЛЬВИИ ПЛАТ
«ЯДВИГА НА КРАСНОЙ КУШЕТКЕ СРЕДИ ЛИЛИЙ»**

Екатерина Витальевна Барина

к. филол. н., доцент департамента литературы и межкультурной коммуникации
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 25/12
kbarinova@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9678-3086>

Статья поступила в редакцию 21.02.2022

В статье представлен анализ экфрасиса в стихотворении Сильвии Плат «Ядвига на красной кушетке среди лилий». В стихотворении, написание которого поэтессе вдохновила картина Анри Руссо «Сновидение», экфрасис выражается в детальном описании картины, точном переносе в текст образов и цветовой гаммы. При этом в детальное описание картины привносится эмоция, индивидуальное восприятие и акценты, характерные для творческого сознания поэтессы. Стихотворение представляет собой традиционный для Плат текст, где богатство визуальных образов тесно переплетается с личными размышлениями и переживаниями.

Ключевые слова: экфрасис, Сильвия Плат, Анри Руссо, «свой», «чужой», визуальный ряд.

Одной из отличительных черт творчества Сильвии Плат можно назвать ее открытость другим видам искусства, среди которых на первом месте стоят искусства визуальные – кинематограф, фотография, реклама и, конечно же, живопись. Сильвия Плат сама неплохо рисовала и даже всерьез задумывалась о карьере художницы, однако любовь к поэзии одержала верх.

Плат нередко искала вдохновение в полотнах преимущественно современных художников. Среди ее фаворитов были де Кирико, Анри Руссо, Пабло Пикассо. При этом стихотворений, в которых перед читателем предстает детальное и точное описание картины, не так уж много, и «Ядвига на красной кушетке среди лилий» (1958) – скорее исключе-

ние для творчества Плат, в котором произведения искусства часто перерабатывались до неузнаваемости, став толчком для собственных размышлений и переживаний поэтессы.

В рассматриваемом стихотворении прослеживается несколько пластов, и личный опыт Плат, конечно, присутствует в тексте, однако и сама картина-муза – полотно Анри Руссо «Сновидение» – описана в мельчайших деталях. Картина была создана в 1910 году, через несколько лет после выхода в свет книги Зигмунда Фрейда «Толкование сновидений», оказавшей огромное влияние на искусство 20 века. Несомненно, в 1958 году Сильвия Плат была прекрасно знакома с этим трудом. На картине, ставшей последней работой мастера, изображена обнаженная женщина, возлежащая на красном диване посреди джунглей, в окружении буйной тропической растительности, огромных лилий, слонов, птиц, тигров, а также заклинателя змей с яркой экзотической внешностью.

Несмотря на то, что данная тема зачастую лежит на поверхности, исследованию визуальных образов у Плат и экфрасису в ее поэзии посвящено очень мало работ, большая часть которых принадлежит зарубежным исследователям. В 2007 году в Oxford University Press выходит сборник статей, объединенных темой визуального в творчестве поэтессы. В статье «Разговор среди руин. Плат и де Кирико» Кристина Бритцолакис затрагивает тему «творческого союза» поэтессы и художника, однако в центре исследования находятся метафизика и психоанализ, а также сам де Кирико, тогда как анализ стихотворения Плат сведен к минимуму. Там же опубликована и одна из немногих статей, в которой применительно к творчеству Плат используется сам термин «экфрасис», однако речь идет о более поздних стихотворениях, среди которых важное место традиционно занимает «The Disquieting Muses» [Jinghua 2007: 217–222]. В 2020 году была опубликована статья Е. В. Бариновой «Экфрасис в стихотворении Сильвии Плат “Разговор среди руин”», в которой рассматривается иной подход Плат к перенесению картины в поэтический текст. Полотно де Кирико не описывается прямо, а становится толчком для переживаний и ассоциаций лирического героя, отходя при этом на второй план [Баринова 2020: 76–82].

Что касается рассмотрения экфрасиса в стихотворении «Ядвига на красной кушетке...», тема эта является малоисследованной. На сайте Бостонского университета опубликовано эссе студентки второго курса Молли Думчин (Molly Doomchin) под названием «Сильвия Плат: диалог между поэзией и изобразительным искусством», в котором есть параграф, посвященный взаимосвязи стихотворения «Ядвига на красной кушетке среди лилий» и картины «Сновидение», однако в нем проблема,

скорее, ставится, но не раскрывается в полной мере, так как эссе носит обзорный характер и рассматривает сразу несколько стихотворений Плат с элементами экфрасиса.

При анализе экфрасиса в стихотворении «Ядвига на красной кушетке...» использовано разделение экфрастических произведений на стихотворения о картине и стихотворения, толчком к созданию которых стала картина, которое проводит британский литературовед Майкл Дэвидсон: «Стихотворение “о” картине, – пишет Дэвидсон, – это не то же самое, что я называю “живописным стихотворением”, которое приводит в действие стратегии написания, эквивалентные живописным, но не зависящие от картины. Вместо того чтобы замереть на расстоянии для наилучшего созерцания произведения искусства, поэт читает картину как текст, а не рассматривает ее как статичный объект, или даже считает более широкую живописную эстетику, порожденную картиной» [Davidson 1983: 72] (здесь и далее перевод научных работ мой. – Е. Б.). В данном случае перед нами, с определенными оговорками, именно «стихотворение о картине».

Попробуем рассмотреть стихотворение Сильвии Плат с различных ракурсов – с точки зрения изображения в нем объективной реальности, которой является в данном случае картина Руссо, а также через призму индивидуального восприятия поэтессы значимых для нее образов.

С самого начала обращает на себя внимание подзаголовок стихотворения – *A Sestina for the Douanier*. Помимо стихотворной формы в подзаголовке возникает адресат, к которому обращается лирический герой. Кто же этот загадочный «*Douanier*»? С одной стороны, это французское слово имеет конкретное значение и в переводе на русский означает «таможенник», «сотрудник таможенной службы» (именно такой перевод мы найдем в собрании стихотворений Сильвии Плат, опубликованном в серии «Литературные памятники» в 2008 году). Однако тут возникает вопрос: зачем Плат обращать секстину таможеннику? Почему она употребляет французское слово? Ответ прост, загадочный таможенник – это сам художник, Анри Руссо, которого современники шутиливо прозвали *Le Douanier*, так как некоторое время он служил в акцизном ведомстве Парижа. Итак, перед нами диалог поэтессы и художника, стихотворения и картины. Все экфрастические произведения неизбежно в высокой степени интерактивны, протягивая связующие нити между, в нашем случае, поэтессой и художником.

«Ядвиге снится волшебный сон», – так пояснял картину сам Руссо. Каким перед читателем предстает полотно в стихотворении «Ядвига на красной кушетке...»? В стихотворении Плат вступает в полемику с некими «буквалистами» (*literalists*), при этом поэтесса с первой строки

заявляет о своей непричастности к подобным критикам. В начале Плат перечисляет образы, которые мы видим на картине Руссо, и затем язвительно описывает нам картину «приличную», которую хотели бы видеть эти самые критики. Вместо буйной зелени джунглей и огромных лилий они предпочли бы листья и лилии, изображенные на обоях буддара, в антураже, более приличествующем и даме, и красному дивану. Плат приводит объяснение, которое дал Руссо, чтобы успокоить обывателей и заставить их примириться с буйством красок на картине. Интересно, что, несмотря на подзаголовок, в самом тексте стихотворения Плат и не думает беседовать с художником. Она напрямую обращается к Ядвиге, создавая интимную атмосферу обмена секретами и тайнами между двумя женщинами, но при этом намекая, что именно ей известен настоящий замысел художника: «Но другу, наедине, Руссо признался, что его глазом / Настолько завладел пылающе-красный цвет дивана, на котором ты, / Ядвига, позируешь, что он положил тебя на диван / Чтобы насытить глаз красным <...>» (перевод мой. – Е. Б.) [Plath 1981: 86].

В этих строках Плат делает важное заявление о самодостаточности образа, которому не нужны рациональные объяснения, настойчиво требуемые профанами. Художнику приходится придумывать логическое стечение обстоятельств, чтобы угодить публике, объяснять, как могло случиться, что красный диван оказался в джунглях, но друг (и здесь Плат намекает, что именно лирический герой стихотворения, собеседник Ядвиги, является этим другом, поверенным художника) точно знает, что все эти объяснения – фикция и главная причина – неудержимое желание художника видеть этот красный в окружении «пятидесяти оттенков зеленого» [Там же]. Сочетание цветов на картине – уже достаточный повод изобразить именно эти предметы и именно в такой композиции. Воля художника не нуждается в разъяснениях, и только истинный ценитель искусства, «друг» художника, способен постичь правду. Действительно, нет никакой логики или порядка в том, как Руссо сочетает цвета или располагает объекты на холсте, но, с точки зрения Плат, этот порядок и не нужен, он разрушил бы весь замысел, творческий произвол художника-творца. В связи с этим особый интерес вызывает форма, выбранная Плат для данного стихотворения и резко контрастирующая с картиной Руссо. Секстина – фиксированная и крайне упорядоченная форма стиха, состоящая из шести строф по шесть стихов в каждой, с четко определенными рифмами. Четкая и продуманная форма стиха как бы призвана упорядочить образы картины, или же продемонстрировать, что порядок этот есть, даже если обыватель не в состоянии

его разглядеть. В настоящей статье не случайно часто происходит подмена понятий, и лирический герой сменяется самой Плат, так как в лирике поэтессы зачастую невозможно разделить эти два голоса.

Точно и скрупулезно перечисляя изображенные на картине образы (а здесь и тигры, движения которых не скованы клеткой, и листья в форме сердца, и огромные лилии), Плат привносит в описываемое полотно собственное индивидуальное восприятие, давая читателю безошибочно понять, что именно она смотрит на картину и рассуждает о ней. Все дело в акцентах – в присутствии гораздо более ярких и бросающихся в глаза объектов, Плат выделяет именно луну, образ, снова и снова возникающий в стихах и дневниках поэтессы. В рассматриваемом стихотворении, достаточно небольшом по объему, луна встречается семь раз. При этом она становится центральным элементом, системообразующим стержнем картины. Луна освещает картину, заставляя Ядвигу светиться («To turn you luminous» [Там же: 85]), и даже лилии, которые Плат выносит в название стихотворения, в тексте превращаются в «bright moon-lilies» – «яркие лунные лилии», или «лилии-луны», в очередной раз намекая, что именно луна – одна из главных героинь картины, наряду с Ядвигой, которую, впрочем, без лунного света не было бы видно.

Впервые образ «белой богини» (the white goddess) появляется в дневниковой записи Плат от 20 июля 1957 года, где она рассуждает о влиянии Вирджинии Вулф на собственное творчество и видение героини, которая должна быть «стервой, белой богиней» («a bitch, the white goddess») [Plath 2001: 289]. Белая богиня – не что иное, как луна, а само сочетание «the white goddess» говорит о знакомстве Сильвии Плат на момент написания стихотворения «Ядвига на красной кушетке среди лилий» с работой Роберта Грейвса «Белая богиня». С луной в описание картины Руссо проникают личные переживания Плат, картина для поэтессы переходит из сферы «чужого» в «свое».

Однако при всей важности личного опыта стихотворение не замыкается на переживаниях поэтессы, а включает в себя нечто большее, обращено вовне. Как сказала сама Сильвия Плат в одном из интервью, «Я думаю, что личный опыт очень важен, однако он не должен превращаться в закрытую коробку или в разглядывание себя в зеркале, в некое нарциссическое переживание. Я полагаю, что он должен быть релевантен более глобальным явлениям» (перевод мой. – *Е. Б.*) [Plath 2014: 595]. При этом из макрокосма, в который переносит зрителя картина французского художника, Плат выхватывает детали, максимально созвучные ее собственному поэтическому сознанию, среди которых одно из цен-

тральных мест занимает луна. И, наконец, нельзя забывать, что стихотворение адресовано самому художнику, и является своеобразным манифестом в защиту искусства от условностей и нападков некомпетентных критиков. Живописный образ самодостаточен и не требует никаких объяснений.

Список литературы

Баринова Е. В. Экфрасис в стихотворении Сильвии Плат «Разговор среди руин» // *Мировая литература в контексте культуры: научный журнал.* Пермь: ПГНИУ, 2020. С. 76–82.

Davidson M. Ekphrasis and the Postmodern Painter Poem // *Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 42. Wiley-Blackwell on behalf of the American Society for Aesthetics, 1983. Pp. 69–79.

Jinghua F. Sylvia Plath's Visual Poetics // *Eye Rhymes. Sylvia Plath's Art of the Visual.* Ed. by Kathleen Connors and Sally Bayley. Oxford University Press, 2007. P. 205–222.

Plath S. *Collected Poems.* L.: Faber and Faber, 1981. 351 p.

Plath S. Interview. *The Poets Speaks* // *Norton Anthology of Modern and Contemporary American Poetry*, ed. by Jahan Ramazani, Richard Ellmann, and Robert O'Clair, Norton & Co., 2014.

Plath S. *The Journals.* L.: Faber and Faber, 2001. 732 p.

EKPHRASIS IN SYLVIA PLATH'S POEM «YADWIGHA, ON A RED COUCH, AMONG LILIES»

Ekaterina V. Barinova

Candidate of Philology, Associate Professor of Department
of Literature and Intercultural Communication
National Research University «Higher School of Economics»
603155, Russia, Nizhny Novgorod, Bolshaya Pecherskaya str., 25/12
kbarinova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9678-3086>
Submitted 21.02.2022

The article provides an analysis of ekphrasis in the poem “Yadwigha, on a Red Couch, among Lilies” by the American poet and writer Sylvia Plath. In the poem, inspired by Henri Rousseau's painting “The Dream”, ekphrasis is revealed in the detailed description of the picture, precise transfer into the text of the painting's imagery and colours. At the same time, emotions, individual perception and accents, characteristic of the poetess' creative consciousness, are introduced into the detailed description of the painting. The poem is a traditional text for Plath, where the richness of visual images is closely intertwined with personal reflections and experiences.

Key words: ekphrasis, Sylvia Plath, Henri Rousseau, «own», «other», visualization.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Баринова Е. В. Экфрасис в стихотворении Сильвии Плат «Ядвига на красной кушетке среди лилий» // Мировая литература в контексте культуры. 2022. № 14 (20). С. 113–119. doi 10.17072/2304-909X-2022-14-113-119

Please cite this article in English as:

*Barinova E. V. Ekphrasis v stikhotvorenii Silvii Plat «Yadviga na krasnoy kushetke sredi liliy» [Ekphrasis in Sylvia Plath's Poem "Yadwigha, on a Red Couch, among Lilies"]]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture], 2022, issue 14 (20), pp. 113–119. doi 10.17072/2304-909X-2022-14-113-119*